

ПЁТР ЛЕВИН

САНЬКА-БЛАТНОЙ
ЗА СВОИХ

ОБРАТНО В 90-е

ТОМ 2

18+

Санька-Блатной: обратно в 90-е

Пётр Левин

Санька-Блатной. Том 2. За своих

«Автор»
2026

Левин П.

Санька-Блатной. Том 2. За своих / П. Левин — «Автор», 2026 — (Санька-Блатной: обратно в 90-е)

Туман убил моих родителей. А теперь предлагает мне на него работать. Глухого, видите ли, найти надо. Тот куда-то с деньгами слинял. Я бы самого Тумана с удовольствием в могилу отправил, да только добраться до него не так просто. А тут он сам к себе подпускает. Грех такой случай упускать.Только у меня теперь другая забота. Таньке восемь лет, осталась сиротой. Я-то думал, хоть её уберёг, а теперь попробуй объясни девчонке, почему чужой дядька вдруг так о ней печётся.А ещё из армии на похороны приезжает Сашка Блатырин. Двадцать лет, горячая башка, руки чешутся кому-нибудь морду набить. Я его отлично понимаю. Сам таким был тридцать четыре года назад. Потому что этот Сашка — и есть я. И ведь самое паршивое — он считает меня виноватым в смерти родителей. Заранее знал про убийство, таскался к ним домой, пугал отца, а теперь ещё и на Тумана работаю. Здесь и я бы себе не поверил.Боевик без прикрас про 90-е с жёсткими живыми диалогами. В серии запланировано 10 томов.

© Левин П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. После ада начинается ад 5
Глава 2. У Тумана 13
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Пётр Левин
Санька-Блатной. Том 2. За своих

Глава 1. После ада начинается ад

Я хотел переиграть судьбу, но она переиграла меня. Тридцать четыре года искал Тумана — ублюдка, который убил моих родителей и младшую сестру. Нашёл, получил пулю и очнулся в девяносто втором, в теле двадцатилетнего Сашки Климова. Самому мне было пятьдесят четыре. Я знал, кто придёт в нашу квартиру, знал, когда это случится, и всё равно не уберёг своих родных. Полез разбираться, вытаскивать отца из чужих долгов, торопился, боялся опоздать. Теперь мать с отцом лежали за стеной, а до дня, в который их убили в моей первой жизни, оставалось ещё почти две недели. Только Таня была жива. Моя восьмилетняя сестрёнка сидела рядом со мной и просилась к маме. Мы были в квартире у соседки родителей Нины Петровны.

Я попытался встать, но стул качнулся подо мной, пришлось ухватиться за край стола. Несколько секунд смотрел на собственную руку и не мог понять, почему стол уходит в сторону. Во рту пересохло так, что язык цеплялся за нёбо. Надо было что-то сказать Тане. Она ждала. Я открыл рот, втянул воздух и почувствовал, что сейчас меня вывернет прямо здесь, на соседский ковёр, возле её ног. Нагнулся, прижал ладонь ко рту. Больное плечо дёрнуло, однако боль тут же потерялась в тошноте.

— Саша, посиди. Не вставай пока.

Лена Соколова, медсестра, которая помогала мне последние дни, одноклассница Климова, в теле которого я находился, потянулась ко мне с дивана. Я отмахнулся слишком резко и едва не задел её. Она убрала руку. Хотел извиниться, но за стеной что-то глухо стукнуло, и я повернулся к двери: там были врачи. Они находились в нашей квартире. Переговаривались, ходили из комнаты в комнату. Может, я неправильно проверил? Пальцы тряслись, когда искал у матери пульс. Мог ведь не нащупать. Я в этом чужом теле даже пуговицу повреждённой рукой сейчас застегнуть толком не мог, а полез решать, живая мать или…

Лена тоже проверяла. Я помнил, как она поднималась с колен.

Всё равно хотелось пойти и заставить посмотреть ещё раз. Попросить, заплатить, схватить за халат — пусть делают что-нибудь, какого хрена они там разговаривают! Я снова подался вперёд, но ноги плохо слушались. Я больше не мог видеть лица убитых отца и матери… А тут рядом была живая сестра, родной человек, близкий, свой, которому я был нужен. Уперевшись локтем в стол, остался сидеть. Перед глазами стояла мать на кухонном полу. Я убирал волосы с её лица, а они падали обратно, и приходилось поправлять. Она терпеть не могла, когда волосы лезли в глаза. Всё собиралась коротко подстричься, только отец отговаривал.

Я прижал ладонь к глазам. Сейчас вспомнилось это, а как она встретила меня здесь, живого, — не мог. Помнил, что просила уйти. Помнил отцовскую руку на своей футболке, когда в первый день он выпроваживал меня, заподозрив, что я работаю на его врагов. А её лицо в тот момент не вспоминалось, сколько ни пытался. Вместо него опять видел кухонный пол.

Нина Петровна, наша соседка, поставила передо мной стакан. Вода плеснулась на скатерть. Я взял его левой, целой, рукой, сделал большой глоток, но горло свело, и пришлось остановиться, удерживая воду во рту. Старуха что-то спросила. Я видел, как шевелятся её губы, и сообразил, что она обращается ко мне, только когда она наклонилась ближе.

— Скорую тебе тоже вызвать? Ты белый весь.

Я покачал головой. Стакан никак не попадал на мокрый круг, с которого я его поднял. Это почему-то раздражало. Поставил наконец, зажал правую больную руку между коленями, чтобы не видеть, как трясётся.

Я ведь уже хоронил родителей. Приехал из армии, стоял возле гробов, слушал казавшиеся чужими голоса. Потом годами пытался вспомнить, когда в последний раз обнял мать. Так и не вспомнил. Здесь мне дали к ней вернуться. Я мог услышать, как она ходит по квартире, как зовёт отца, как сердится на Таньку. Мог просто постоять рядом, пока она наливает чай. Вместо этого опять торопился, доказывал, требовал, чтобы меня послушали. Казалось, вытащу их — тогда и поговорим.

За стеной передвинули что-то тяжёлое. Я стиснул зубы, и из носа потекло на верхнюю губу. Вытер рукавом, зло, до боли. Хотелось ударить себя. По-настоящему, чтобы голова мотнулась и хоть на секунду прекратилось это: мог, успел бы, надо было раньше. В гараже сидел. В нескольких километрах от них сидел, пока сюда ехал Туман, надо было сломать малец, вывихнуть, освободиться от наручников, убить Ковалёва и его сподручного Горина, перегрызть им глотки, вытащить из стола свой пистолет, который они изъяли, вернуться раньше, сесть в засаду, и завалить Тумана. Но я не смог, не сделал. Значит, виноват. И я сейчас винил себя, и внутри всё ходило ходуном.

— А вы чего? — спросила Таня.

Я убрал руку от лица. Сестра смотрела на меня с дивана, прижавшись к Лене. На ней была майка с жёлтым утёнком, слишком большая, сползавшая с плеча. Таня подтянула её и опять посмотрела в прихожую.

— Там мама тоже плачет?

Лена обхватила её ладонь обеими руками.

— Танечка, на маму с папой напали. Врачи приехали, но помочь уже не смогли. Мама с папой умерли.

Я зажмурился. Пока она говорила, хотелось перебить её, остановить хотя бы на секунду. Таня ещё не знала. Ещё ждала, что мать придёт и заберёт её домой, будет искать вторую сандалию, ругать за потерянные вещи. Я сидел рядом и слушал, как у неё отнимают всё это, а она даже руку из Лениных рук не выдёргивала. Только перестала качать ногой. Лена, заткнись, что ты делаешь… А может и правильно. Уже взрослая…

— А папа тоже? — спросила сестра наконец. — Он же большой.

Лена придвинула её к себе, но Таня упёрлась ладонью ей в грудь. Посмотрела на меня, потом на Нину Петровну. Старуха стояла возле стола, вцепившись пальцами в спинку стула. Сестра торопливо слезла с дивана.

Я понял, куда она идёт, и поднялся ей навстречу. Перед глазами потемнело, пришлось опереться о дверной косяк. Таня попробовала обойти меня, я загородил проход.

— Я только посмотрю, — сказала она. — Я тихонько. Вы пустите, я ничего не буду трогать.

Она просила так, словно ей не разрешали войти из-за того, что она могла нашалить. Подняла на меня лицо и ждала. Я хотел присесть перед ней, но колени подогнулись раньше, чем успел согнуться. Ударился ими об пол, придержал больную руку. Таня испугалась, отступила на шаг.

— Тань…

Дальше ничего не получилось. Я смотрел на неё снизу, пытался сглотнуть. Слёзы текли по лицу, попадали в рот, и остановить их я уже не мог. Сестра была совсем рядом. Я чувствовал её локоть под ладонью. Тридцать четыре года помнил её мёртвой, а теперь не знал, что сказать живой, чтобы она перестала проситься в квартиру, где на полу лежали наши родители.

Таня снова потянулась к двери. Я обнял её здоровой рукой, и она забилась, ударила меня в грудь, попала по больному плечу. Я держал, пока она вырывалась и звала мать. Лена опустилась рядом, помогла обнять её. Сестра кричала уже нам в плечи, захлёбываясь, с трудом набирая воздух для следующего крика. Я сел и гладил её по спине и всё пытался сказать, что я здесь, с ней, никуда не уйду. Получалось назвать только её имя сквозь слёзы.

— Сань, тебя на минуту. Выйти сможешь?

Пашка стоял в дверях и смотрел на нас. Я кивнул, хотя вставать пока даже не пробовал. Лена помогла Тане подняться, усадила её на диван. Сестра уже почти не плакала, только всё никак не могла отдышаться. Мне бы остаться возле неё, но в прихожей опять заговорили, кто-то спросил, где Климов, и пришлось подниматься. Пашка подхватил под здоровую руку. Хороший мужик. Полез за мной в гараж к ментам, получил по башке, теперь ещё нянчится. А я даже спасибо толком ему не сказал.

На площадке врач спросил, кем я прихожусь погибшим. Я приготовился услышать про мать с отцом что угодно, только этот простой вопрос почему-то выбил окончательно. Родственник? Да, сын я им. Тот самый, который приехал из армии, схоронил всех троих, а потом тридцать четыре года искал Тумана, чтобы он за это ответил. Нашёл, и тот меня убил, и теперь я стою тут в теле чужого человека — Сашки Климова, который живёт в двадцати минутах ходьбы от родительского дома. Попробуй объясни. Врач ждал, и я наконец выговорил, что знакомый, работал с Михаилом. Сказал и почувствовал, как лицо начинает гореть. Мать лежит в нескольких шагах, а я стою возле двери и от неё отказываюсь. Да не отказывался я… Но было противно, даже понимая это.

— Вы обоих смотрели внимательно? — спросил я.

Он ответил, что заходили, осмотрели обоих, помочь уже ничем нельзя. Говорил спокойно, без раздражения, хотя я наверняка спрашивал то, что он уже объяснил Пашке. Я уже не помнил, что я делал и как… Я слушал и всё равно косился на сумку у его ног. Там были лекарства, какие-то приборы, всё это привезли сюда, подняли на наш этаж — и теперь заберут обратно. Я понимал, что он не волшебник, но отойти от него не мог. Пока врач стоял здесь, ещё можно было о чём-нибудь попросить.

Пашка сам заговорил про мою руку. Врач посмотрел на повязку, велел сесть. Я сел на вынесенный из квартиры табурет, стиснул зубы, пока он трогал плечо и кисть. Боль оказалась такой, что я на секунду забыл, где нахожусь, схватил его за запястье. Он подождал, пока отпущу, закончил осмотр и сказал, что нужен снимок и желательно сегодня. Пашка пообещал отвезти, если милиция отпустит.

Следователь подошёл, когда мне закрепили руку. Худой, лет сорока, очки с толстыми стёклами. Назвался Ильиным, присел на корточки возле табурета. Он спросил фамилию, адрес, попросил паспорт. Я назвался Климовым, продиктовал, где живу.

— Паспорт у Ковалёва. Андрей Леонидович, опер. Сегодня с ним встречались по поводу аппаратов, документы остались у него.

Ильин записал фамилию и посмотрел на перевязь.

— Это тоже после встречи с Ковалёвым?

Я поднял на него глаза. Хотелось рассказать всё: гараж, Горина, как меня там держали, пока сюда ехал Туман. Пусть записывает, пусть вытаскивает этих сук, спрашивает. Я даже подался вперёд, но за соседской дверью послышался голос Лены, и я вспомнил Таню. Сидит там, ждёт, когда вернусь. У меня сейчас голова кругом, а слова, которые скажу, потом обратно не заберёшь. Туман отмажется, а меня убьют.

— Вы про Михаила спрашивайте. Про себя я потом расскажу.

— Это может быть связано. Вы приезжаете к убитому, сами избиты, ваши документы у сотрудника милиции. Мне надо понять, что здесь происходило. Вы с Блатыриным давно знакомы?

Я объяснил про мастерскую. Михаил возил видеомагнитофоны, мы их ремонтировали, так и познакомились. На этом остановился, хотя Ильин ждал продолжения. Сколько я уже насиделся напротив таких вот блокнотов, а сейчас чуть не выложил всё подряд. Назову Тумана, опишу папку, которую он забрал у моего отца, его людей. Ильин позвонит Ковалёву уточнить про паспорт, заодно спросит, на кого я тут показываю. Может, и не позвонит. Только проверять

это на Тане мне не хотелось. Может этот Ильин сам ссученный, знает Тумана, работает на него или с ним, делишки проворачивает, а меня сейчас развести пытается на разговор. Этак я щас расскажу и завтра в «Севере», куда мне сказал подъехать Туман, меня и грохнут.

— А сегодня зачем приехали?

— Галину с дочкой отвезти к родственнице. За город. С машиной помогал.

Ильин уточнил, кто был со мной. Я назвал Пашку и Витьку, сказал, что приехали вместе. Пашку уже опрашивали. Я пропустил этот разговор, пока сидел с Таней, и теперь не знал, что успел услышать Ильин.

— Сам Михаил не собирался ехать?

— Мы за женой с девочкой договаривались.

— Он знал, что вы приедете?

Я уже собрался ответить и опять перед глазами появился образ отца на полу. Он ведь мог ударить Тумана. Батя здоровый, вспыльчивый, а эти пришли к нему домой, при матери начали давить. Мог врезать, ещё как мог. А Туман убил его, потом добрался до неё, чтобы свидетеля убрать… Я представлял, как мать отступает на кухню, зовёт отца, и чувствовал, что сейчас опять перестану соображать.

Ильин повторил вопрос. Я потёр лоб здоровой рукой.

— С Галиной Лена договаривалась. Михаилу она должна была сказать. Я при этом не был.

Ничего я не знал про то, что случилось в квартире. Ни кто первый ударил, ни где стояла мать. Но в голове уже всё сложилось, и от этих картинок было не отделаться. Я смотрел на Ильина, слушал его голос, а перед глазами всё равно была наша кухня.

— Когда приехали, ничего необычного не заметили? Во дворе, в подъезде? Кто-нибудь попадался?

— Я к Михаилу спешил. Поднялись с Пашкой, дверь прикрыта, но не защёлкнута. Позвали — никто не ответил.

Ильин опустил ручку.

— Я спрашиваю, пока поднимались, кого-нибудь встретили?

— На лестнице никого.

Он посмотрел на меня, и я понял, что уклончивый ответ следователь заметил.

Возле подъезда в тот момент, когда мы с Витькой и Пашкоц подъехали на «Шестёрке», людей хватало. Туман стоял в нескольких шагах, я запомнил его лицо, одежду, папку отца в руке. Сейчас достаточно назвать имя. Только завтра мне идти к нему, а Таня останется здесь, за этой дверью. Я сглотнул, выдержал взгляд следователя. Ильин некоторое время молчал, потом спросил, что увидели в квартире.

Тут я рассказал всё. Отец (назвал его следователю по имени — Михаил) лежал возле дивана, мы с Пашкой его повернули, пытались найти пульс. Мать нашли на кухне. Скорую вызвал Пашка, Лена пришла после нас, проверяла обоих. Ильин уточнял, к чему прикасались, и я вспоминал, как убирал волосы с маминого лица, поднимал полотенце. Вслух называл её Галиной, хотя от этого хотелось выть. Ещё сказал, что забирал сандалию девочке. Ильин переспросил, зачем, и я объяснил про потерянную обувь, про то, что Таня осталась у соседки.

— Она в квартиру после вас не заходила?

— Нет. И раньше с нами не была. Мать её заранее туда отвела.

Из соседской квартиры донёсся шум воды. Я повернул голову, прислушался. Может, Лена умывала Таню. Ильин дождался, пока я снова посмотрю на него, сверил записанный адрес, предупредил, что ещё вызовет. Я кивнул, но поднялся не сразу. Он уже убрал блокнот, а я всё сидел, боясь, что сейчас вспомнит про Ковалёва и начнёт спрашивать заново.

Пашка отвёл меня к перилам. В это время из квартиры вышли мужики, попросили освободить проход. Я видел, как заносили носилки, но почему-то только сейчас сообразил, зачем.

Когда вынесли мать, прикрытую простынёй, шагнул к двери. Один из мужиков придержал меня локтем: дай пройти. Я отступил, пропустил их, потом пошёл следом. Хотел хотя бы проводить до машины, но на повороте лестницы остановился. Под простынёй угадывались ступни, в которые я смотрел сверху. Я знал эти ноги, мать жаловалась, что к вечеру отекают, снимала тапки под столом. Теперь её несли мимо перил, которые она протирала мокрой тряпкой, когда мыла площадку. Я держался за те же перила и никак не мог заставить себя сделать ещё шаг.

Пашка дождался, пока я вернусь наверх. Отца к тому времени вынесли. Я хотел войти в квартиру, но из соседской двери выглянула Лена, сказала, что Таня спрашивает, куда я делся. Уже пошёл к ней, когда Пашка придержал меня.

— Сань, я слышал, как ты их называл. Мамой и батей. Ты мне скажи, что происходит, а? Я с тобой с утра мотаюсь, уже сам не понимаю, во что влез.

Я посмотрел на его перевязь, на засохшую кровь возле воротника. Он вправе был спросить. Если бы я полез за человеком под пули, тоже захотел бы знать, кого вытаскивал.

— Не послышалось тебе. Только сейчас не спрашивай. Я не смогу объяснить.

Пашка отпустил мой локоть. По лицу было видно, что такой ответ его не устроил, но продолжать он не стал. Спросил только, сколько ещё будем здесь, дома его жена с ума сходит. Я попросил позвонить ей от соседки и пошёл к Тане.

Она лежала на диване, приоткрыв глаза. Увидела меня, спросила про своего медведя. Лена объяснила, что его надо принести, вместе с вещами. До Раисы, маминой двоюродной сестры, к которой собирались уехать за город, дозвониться не удалось. Нина Петровна оставляла Таню у себя, пока не приедут родные. Я кивнул и вдруг вспомнил про армию. Мысль была такая неприятная, что я несколько секунд собирался, прежде чем сказать: надо сообщить брату.

Ильин разрешил взять игрушку, вещи и письмо с обратным адресом части. Со мной пошёл сотрудник. Мамина сумка стояла у входа, та самая, с которой она собиралась уезжать. Из-под молнии торчал угол полотенца. Я попытался его заправить, разошлись края сумки, пришлось просить помочь. Сотрудник застегнул её, я прошёл в комнату. Там было просторно. Отец больше не лежал возле дивана, можно было спокойно обойти стол. Я поймал себя на этой мысли и чуть не выругался вслух.

Мишка завалился между кроватью и стеной. Достал его, отряхнул, сунул под мышку. В комоде под скатертями нашлась пачка писем. Я вытащил верхнее, перевернул и узнал свой почерк. Раньше так сильно давил на ручку, что буквы можно было прощупать с другой стороны бумаги. Мать складывала конверты, перетягивала резинкой, чтобы не растерялись. Тридцать четыре года назад, после похорон, я их даже не забрал. Хотел поскорее смотаться из квартиры, где всё напоминало о своих родных. Теперь стоял возле открытого ящика с медведем под мышкой и боялся развернуть собственное письмо. Что там писал? Что всё нормально, беспокоиться не надо? Наверняка. У меня в каждом письме всё было нормально.

Я отдал конверт Лене. Она взяла его, спросила, поеду ли я наконец к врачу: Витька на «Шестёрке» внизу ждёт, Пашке тоже нужна перевязка. Я сказал, что ещё побуду возле Тани. Лена помолчала, потёрла лоб.

— Саш, она сейчас уснёт. Я рядом, Нина Петровна здесь. Мы никуда её не повезём. Съезди, пожалуйста, пока есть кому отвезти. Мне ещё на работу звонить, просить, чтобы завтра подменили, а я стою и тебя уговариваю. Ты на руку свою посмотри. Тебе её ампутируют.

Пальцы распухли после того, как меня держали Ковалёв и Горин пристёгнутым наручниками к скобке на стене, запястья долго находились выше головы, и им не хватало крови, а потом я ещё дрался… Я уже привык держать повреждённую в драке с человеком Глухого правую руку перед собой и старался лишний раз ею не шевелить. Оставил мишку Тане, сказал, что скоро вернусь. Она потянула игрушку за лапу, прижала к животу и закрыла глаза.

В травмпункте всё тянулось долго. Пока ждали снимки, Пашка сходил за водой и принёс мне открытую бутылку «Буратино». Сидели рядом, молчали. Без паспорта мои данные записали со слов; «Климов» я выговорил сразу, с годом рождения пришлось подумать — никак вспомнить не мог. Переломов не нашли, руку закрепили, велели прийти повторно, врач сказал, сильный ушиб. Я слушал и прикидывал, что смогу сделать завтра с этой рукой. Пистолет остался в гараже у Ковалёва. Туман ждёт меня завтра к шести. Время ещё есть, но оружия у меня от этого не появится. Буду действовать по ситуации. В любом случае я теперь не хотел убивать Тумана просто так. Сначала этот гад должен помучаться. Теперь я хотел поменяться с ним мистами, подвесить его к потолку, как тогда, в прошлой жизни, его люди подвесили меня… Ну а уже потом пустить ему пулю в лом. Хотя пули, наверно, для него будет мало, легко отделается.

Витька отвёз обратно к Нине Петровне, предупредив, что на сегодня с него хватит, утром работа. Я поднялся, заглянул в комнату. Таня спала. Только после этого смог сесть и позволил старухе расстелить для меня раскладушку.

Ночью я несколько раз просыпался. Один раз от боли, другой — от Таниного голоса. Она звала мать во сне. Я поднялся, дошёл до дивана, но будить не решился, сел рядом. Сестра затихла, а я так и остался сидеть. В полумраке её лицо казалось совсем маленьким. Я ведь даже не помнил её в этом возрасте спящей. Помнил фотографию, которую поставили возле гроба, помнил, как люди говорили, что детей особенно жалко. Теперь боялся задремать и проснуться опять там, в своей прежней жизни, где за стеной никто не позовёт.

Утром Лена дозвонилась до Раисы, маминой двоюродной сестры,. Говорила в прихожей, прикрыв дверь, но я слышал, как повторяла, что Таня жива. Раиса обещала приехать к полудню. Лена забрала письмо и пошла отправлять телеграмму в часть. Я проводил её до двери и вдруг захотел попросить не писать сразу про обоих родителей. Пусть сначала кто-нибудь поговорит с ним, подготовит. Вовремя прикусил язык. Сашке двадцать лет, ему надо ехать домой. Как бы там ни написали, легче ему не станет.

Когда Лена ушла, позвонил Вере, бухгалтеру. Она вела расчёты в нашей мастерской, вчера осталась помогать раненому подстреленному Глухим Сергею по кличке Рыжий — это был большой увалень, полноватый, с рыжей копной волос, поэтому и кличка такая ему была дана. Пока слушал гудки, боялся, что она сейчас ответит и по голосу сразу станет всё понятно. Но Рыжий был жив. Вера звонила утром в больницу, ей сказали, ночь прошла без ухудшения, состояние тяжёлое. Я поблагодарил её, хотя она лишь пересказала то, что услышала, потом рассказал про Блатыриных. Пришлось повторить, что погибли оба. Вера долго молчала, затем подробнее расспросила про девочку. Я объяснил, где мы, продиктовал телефон соседки.

— Только никому номер не давай. Седому тоже. И ещё узнай, где «Север». Туман меня к шести позвал, хочу заранее посмотреть, что там.

Она пообещала перезвонить. Я позвонил Витьке, застал его дома перед выходом, договорился, что через час подбросит до центра. Дальше доберусь сам, когда Вера выяснит адрес. Мне надо было увидеть это место до встречи. Посмотреть, где садиться, куда идти, если придётся выходить быстро. Хотя кого я обманывал — с такой рукой далеко ли уйдёшь. Всё равно лучше знать, чем явиться прямо к назначенному часу и позволить рассадить себя, как им удобно.

Я уже достал куртку, когда услышал из комнаты:

— Можно воды?

Таня сидела, откинув одеяло. Я принёс стакан, она взяла его обеими руками и долго смотрела на воду. Потом поставила на стол, так и не отпив, уткнулась лицом в медведя. Я присел рядом, положил руку ей на спину. Хотел сказать хоть что-нибудь, но она сама повернулась ко мне.

— А брату Сашке сказали? Он же ещё не знает.

Я объяснил про телеграмму. Сестра слушала внимательно, потом спросила, отпустит ли его командир. Сашка писал, что у них командир злой, никого не отпускает. Я попытался вспомнить это письмо и не смог. Жаловаться домой я не любил, мать и без того волновалась, но что-то, видимо, написал. Сейчас бы прочитать, вспомнить, из-за чего тогда злился. Я хорошо помнил, как меня вызвали, как собирал вещи после известия, а служба до этого почти стёрлась.

— Он пойдёт, объяснит, что ему домой надо. К тебе. Там разберутся.

— Он с папой поругался, когда уезжал. Папа говорил, чтобы он не дрался, а Сашка сердился. Мама потом тоже ругалась.

Я помнил автобус у военкомата и отцовскую ладонь, которую он протянул в окно. Пожал крепко, до боли. А что было дома перед этим, забыл. Наверняка огрызался, доказывал, что сам всё знаю. Сестра ждала ответа, и я сказал, что они всё равно его ждали. Таня кивнула. Мама даже полотенце ему купила, большое, с кораблём, и запретила брать до его возвращения.

Мне захотелось пойти найти это полотенце. Глупость, конечно, но мать ведь держала его, выбирала в магазине, несла домой. Оно должно быть новым, сложенным, может, ещё с бумажкой. Я подумал об этом и понял, что снова начинаю реветь. Прижал ладонь ко рту, посидел, пока отпустило. Таня смотрела на меня, потом подвинула стакан, который я ей принёс.

— Попейте. Я не хочу.

Я сделал глоток, поблагодарил. Сестра следила, пока я не поставил стакан, потом спросила про людей, которые приходили к отцу.

— Вы их знаете, да? Папа маме говорил. Скажите, чтобы они больше не приходили. Пока Сашки нет. А потом он сам скажет.

Я чуть не ответил, что никто больше не придёт. Очень хотелось пообещать, чтобы она хоть немного успокоилась. Но я уже один раз явился в этот дом, уверенный, что всё исправлю.

— Скажу, Тань.

Нина Петровна позвала её умываться. Сестра отдала мне медведя, попросила подержать, пока она сходит. Я остался с игрушкой на коленях, слушал, как старуха объясняет. Витька скоро приедет, нужно одеться. Можно уйти, пока Таня занята. Нина Петровна присмотрит, Лена вернётся, Раиса приедет — есть кому с ней сидеть. Я даже начал вставать, но из ванной донёсся её голос, и я опустился обратно. Пусть вернётся, заберёт медведя. Успею ещё.

Когда Витька поднялся за мной, я вышел к нему на площадку и попросил ехать без меня. Он поглядел на куртку, которую я держал в руке.

— Ты ж говорил, надо. Я специально заехал. Сань, потом я уже не смогу, у меня работа.

Я извинился, сказал, что понимаю. Он ушёл, а я вернулся к Тане. Она как раз вытирала шею полотенцем, передала его Нине Петровне, посмотрела на меня. Я повесил куртку на место. Сестра ничего не спросила, забрала медведя и села возле стола, куда соседка уже поставила тарелки.

Лена пришла, когда завтрак почти закончился. Телеграмму приняли, армейское письмо она вернула мне. Я убрал конверт в карман и поймал себя на том, что уже прислушиваюсь к лестнице. Санька ещё даже не знает про меня, а я жду. И совершенно не представляю, что скажу, когда увижу себя двадцатилетнего в дверях родительской квартиры.

Вера позвонила ближе к полудню. Сначала продиктовала адрес «Севера», потом попросила внимательно послушать.

— Седой меня нашёл. Ковалёв требует тебя вернуть, выясняет, кто помог сбежать и на чём увезли. Я сказала, ты звонил, но где находишься — не знаю. Телефон не дала, как просил. Саш, ты сегодня обязательно приди. К шести, один.

Я смотрел на записанный адрес. Ковалёв знает, где живёт Климов, знает мастерскую, поэтому я ночевал у Нины Петровны, а не себя (да и ключей от квартиры у меня не было — остались у Ковалёва).

До Пашки Ковалёву тоже добраться нетрудно. Вера замолчала, видимо, ждала, что я отвечу, потом заговорила снова:

— Только сейчас никуда не суйся. Седой сказал, Туман приказал до встречи тебя не трогать. Ковалёву уже передали.

Я повернулся к кухне. Дверь была приоткрыта, Таня сидела боком ко мне и позволяла Лене поправить ей резинку на волосах. Терпеливо ждала, наклонив голову, пока та вытягивала запутавшуюся прядь.

Глава 2. У Тумана

К шести я собирался явиться один. Туман так велел, и проверять, насколько серьёзно он относится к собственным распоряжениям, желания не было. Только сперва следовало решить, что делать с Таней. Раиса обещала приехать к обеду, но обед уже прошёл, а от неё ни слуху ни духу. Лена дозвонилась снова. Оказалось, родственница ещё на работе, начальник никак не отпускает, зато вечером она обязательно будет. Когда Лена передала мне это, я предложил позвонить начальнику самому. У меня как раз настроение подходящее было. Она сказала, что Раиса без меня разберётся, и попросила не мешать.

Таня сидела у телевизора с медведем на коленях. Нина Петровна нашла какую-то детскую передачу, а сестра то смотрела на экран, то принималась ковырять пуговицу на медвежьем жилете. Я несколько раз заходил в комнату, спрашивал, не нужно ли чего. Она отвечала, что ничего, и отворачивалась. Зато когда я собрался уходить, сразу заметила.

— Вы опять куда-то?

— По работе.

— А тётя Лена останется?

— Останется. И Нина Петровна здесь.

Таня помолчала, потом спросила, когда придёт её брат. Я ответил, что ему сообщили, теперь надо дождаться ответа из части.

— Он быстро приедет, — сказала Лена. — Он умеет быстро.

Лена догнала меня в прихожей. Я уже надел куртку, оставалось застегнуть молнию. С правой рукой это оказалось отдельным удовольствием. Лена отодвинула мои пальцы и застегнула сама.

— Ты хоть лекарства принял? Я тебе на стол положила.

— Принял.

— А поесть?

— Ел.

Она посмотрела на меня. Пришлось признаться, что съел половину бутерброда. Лена сходила на кухню, принесла ещё два, завернула в бумагу и сунула в карман куртки.

— Только обратно сегодня приезжай. Не пропадай. И если они опять начнут с тобой что-нибудь делать, ты хотя бы понимаешь, что второй раз можешь из этого не вылезти?

— Лен, я туда разговаривать еду.

— Вчера тоже разговаривать ездил.

Возразить было нечего. Я попробовал поцеловать её в щёку, но она отвернулась.

— Вот вернёшься, тогда и будешь целоваться.

На улице стояла обычная августовская жара. Я прошёл до остановки, сел на автобус, потом пересел на троллейбус. Куртку пришлось нести на плече. В ней становилось жарко, особенно там, где под рубашкой проходила перевязь. Снял бы и её, да врач велел руку поберечь. При каждом торможении я хватался за поручень левой, и в кисть отдавало до самого локтя.

Адрес «Севера» лежал у меня в кармане. Вера продиктовала его по телефону, потом заставила повторить, чтобы не перепутал дом. Она вообще в последнее время разговаривала со мной как с человеком, которого нельзя выпускать на улицу без записки на шее. Впрочем, основания у неё имелись. За несколько дней я успел подставить под пули Рыжего, угробить Пашкин фургон и попасть к ментам в гараж. Ещё немного — и она сама меня запирала бы на ночь в мастерской.

До назначенного времени оставалось минут сорок, когда я добрался до нужного квартала.

Кафе «Север» располагалось на первом этаже обычной девятиэтажки. Вывеска, похоже, висела ещё с советских времён: белые буквы на синем фоне, одна чуть съехала вниз. У входа

стояли два бетонных вазона с засохшими цветами. За стеклянной дверью виднелись столики с белыми скатертями, у стойки какой-то мужик в рубашке и галстуке расплачивался с официанткой. Самое обычное кафе, каких в Москве хватало. Только возле соседнего подъезда стояла тёмная «Волга», а в ней сидели двое. Один читал газету, второй смотрел на улицу. Когда я прошёл мимо, газету парень опустил.

Я зашёл в гастроном напротив. Хотел купить минералки, но возле кассы увидел «Кока-Колу» в маленьких стеклянных бутылках. Фигурных, с узким горлышком и красной этикеткой, на которой белыми завитушками было написано Coca-Cola. Взял одну. Продавщица назвала цену, я даже переспросил. За эти деньги можно было несколько бутылок «Буратино» купить. Дал купюру, а она тут же потребовала мелочь, потому что сдачи, видите ли, нет. Пока разбирались, я видел через витрину, как к «Волге» подошёл мужик, переговорил с водителем и направился в кафе. Через минуту вышел обратно, достал пачку, щёлкнул зажигалкой, затянулся.

Я открыл бутылку и сделал несколько глотков. Холодная, сладкая до приторности, газировка ударила в нос, защипало язык. Вот она, та самая кола, которую я помнил ещё по девяностым. Вкус вроде бы знакомый, а я уже и забыл, какой он был. Тогда за такую бутылочку мы готовы были переплатить втрое, особенно если она прямо из холодильника. В нынешней жизни я и не вспомню, когда последний раз её покупал. А тут стоял, пил и смотрел через магазинное стекло на людей Тумана.

Вот и вся моя разведка. Простоял бы ещё час, увидел бы примерно то же самое. С людьми Тумана я уже встречался и понимал, что открытого прохода к нему не будет. Тем более, после убийства. С другой стороны, кто мешал им обыскать меня, отобрать всё, что найдут, а потом увести куда-нибудь? Разрешение Тумана пока действовало, это я знал. Что будет после шести, Вера так и не выяснила.

Допил колу, бросил пустую бутылку в урну и пошёл через дорогу.

Внутри за столиками сидели посетители. Двое мужиков ели котлеты, женщина с девочкой выбирали пирожное. Музыка играла негромко, из-за стойки доносился звон посуды. Я уже успел подумать, что Седой перепутал адрес, когда от стены отделилась фигура в светлой рубашке.

Мужик лет тридцати, в рубашке с закатанными рукавами, показал в коридор. Мог бы оказаться здешним заведующим, если бы не начал щупать меня сразу за поворотом.

— Расстегни. Правую поднимать не надо, я вижу. В кармане что?

Я вытащил Верины бумаги. Он пробежал глазами верхний лист и полез под куртку. Когда задел рёбра, я отшатнулся, упёрся в стену. Он подождал, пока я выдохну, и закончил осторожнее. Ничего не нашёл. ТТ остался у Ковалёва, а ножа я так и не взял. Сейчас его бы тоже отобрали.

Парень открыл дверь в конце коридора. Туман сидел у окна и ел. Я увидел его руку с вилкой и остановился так резко, что провожатый чуть не налетел на меня.

— Заходи, Александр. Чего встал?

Вчера этой рукой он держал отцовскую папку. Теперь подцепил кусок мяса, отправил в рот. Он успел переодеться, умыться, наверняка спал ночью. Пока я сидел у соседки и не знал, как сказать Тане, что мамы больше нет, он тоже вот так сидел, ел, ему что-нибудь рассказывали. Я сглотнул, но во рту было сухо, и к горлу подкатило так, что пришлось стиснуть зубы.

Седой занимал стул у стены. Возле окна стоял мужик в светлой куртке, тот самый, которого я видел у подъезда. Мне захотелось, чтобы он подошёл поближе. Хоть толкнул бы, что ли. Чтобы уже что-нибудь началось и не надо было самому решать, как я сейчас сяду напротив этой мрази.

— Вадим, дверь прикрой, — сказал Туман моему провожатому. — Садись, Александр. Есть будешь?

Я опустился на стул, придерживая себя левой рукой за край стола. Во рту пересохло от сладкой колы, но попросить воды я не мог. Туман налил сам. Я смотрел на стакан и вспомнил, что обещал Тане купить сок. Я сказал, принесу. Теперь надо вернуться, раз обещал.

— Ковалёв сегодня звонил, — сказал Туман. — Злой на тебя. Говорит, из гаража сбежал, ещё и с его человеком подрался. Теперь требует, чтобы тебя обратно привезли. Ты там чего натворил?

На краю тарелки лежал нож, и взгляд возвращался к нему, хотя я пытался смотреть Туману в лицо. Он был так близко, что я видел у него на подбородке пропущенный при бритье волос. Тридцать четыре года я его искал, а сейчас мне ещё и объясняться предлагают. Я подался вперёд, стул скрипнул по полу, и тут боль дёрнула от рёбер к спине. Вдох оборвался. Мужик у окна выпрямился, Вадим за спиной шагнул ближе.

Я застыл, вцепившись в стол. Правая рука не держала, левая была нужна, чтобы не свалиться. И всё равно хотелось попробовать, хотя бы зацепить его, чтобы он перестал жевать.

— Воды выпей, — сказал Туман. — Не торопимся.

Я взял стакан, попал зубами по краю, пролил воду на рубашку. Туман ждал. Он даже не отодвинулся. Если полезу, меня здесь и сложат, а потом Ковалёв поедет выяснять, кто подговорил, кто привёз. Пашку найдёт, Лену. Таня останется через площадку от пустой квартиры, куда эти уже один раз пришли.

Я поставил стакан мимо мокрого кружка на скатерти и зачем-то передвинул его на место.

— Вы меня для этого позвали? К Ковалёву обратно отвезти?

— Если бы я хотел тебя к Ковалёву, тебя бы уже отвезли. Мне Глухой нужен. Вот и поговорим, чем ты можешь помочь.

Седой шевельнулся на стуле. Возле больницы он уверял меня, что Глухой у него, больше не придёт, теперь слушается. Мне оставалось поблагодарить за заботу и отойти.

— Ты его потерял? — спросил я Седого. — У Рыжего из живота трубки торчали, когда ты мне рассказывал, что всё решил. Теперь мне его ещё и ловить за тебя?

— А ты чего за ним с пистолетом бегал? — Седой пересел к столу и наклонился ко мне. — Тоже всё решил? Рыжему от твоего пистолета сильно легче стало? Ты у нас сначала стреляешь, потом едешь рассказывать, кто тебе чего должен. У Ковалёва после себя оставил такое, что…

— Хватит, — сказал Туман. — Ты сядь нормально. И ты тоже. Я не за этим вас сюда позвал.

Мне хотелось сказать, что Глухой стрелял первым. Что я должен был раньше стрелять, пока Рыжий ещё стоял. Я открыл рот и осёкся: ещё немного, и начну оправдываться перед ними за простреленного Сергея, Рыжего. Седой этого и ждал.

Туман отправил Вадима и мужика в куртке за дверь, потом повернулся к Седому.

— Рассказывай. С начала, чтобы потом по второму разу не объяснять.

Глухой уже второй день неизвестно где, он задолжал Туману деньги. Пока разбирались с деньгами, он обещал свести с покупателем джинсов. Покупатель переносил встречу. На склад съездили без него, а там пусто. Когда понадобилось привезти самого Глухого, привозить оказалось некого. Кто за ним смотрел, Седой не сказал: своих проверяют, я этим заниматься не буду.

— И сколько там было? — спросил я.

— Сорок коробок. По двадцать пар. На двенадцать тысяч долларов, — сказал Туман. — Это только товар. И хочется понять, кто ему помог: самому уйти и коробки вывезти. Не на спине же он их унёс.

Я спросил, когда забрали коробки. Седой ответил: кладовщик путается, говорит, в начале недели, накладную пока не нашли. Приехали двое, один назвался от Глухого.

— Ты покупателя тех аппаратов нашёл, на сверку привёл, — продолжил Туман. — Седой рассказывал, как вы там с расписками возились. Значит, и других торговцев знаешь. Вот к ним и поедешь. Мне не надо, чтобы ты Глухого по подвалам искал, для этого люди есть. Узнай,

куда он товар дел, кто ему помогал, с кем последние дни встречался. И желательно побыстрее. Я из-за него уже столько времени потерял.

Он вытер пальцы салфеткой, скомкал её и бросил на тарелку. Салфетка раскрылась, зацепившись за вилку. Туман поправил её и потянулся за пачкой. А я сидел напротив и смотрел на его руки. Большие, ухоженные, на левой мизинец чуть кривоват. У старого Тумана, которого я видел в последний день жизни, он тоже был кривой. Тогда я подумал, что сломал в драке. Надо же, какую хрень человек запоминает. Лицо за эти годы изменилось почти до неузнаваемости, а палец остался кривым.

На столе стояла хлебница. Батон нарезали толстыми кусками, один был совсем кривой, с мякишем, выдранным вместе с коркой. Я взял его, но есть не стал. Вспомнил, как мать ругалась, когда я в детстве отламывал хлеб руками. «Возьми нож, Саша, сколько можно». А нож у нас вечно был тупой. Отец обещал наточить, забывал, мать опять напоминала. Последний раз я видел этот нож вчера, на кухонном столе. Обычный нож с чёрной пластмассовой ручкой. Так и лежал возле разделочной доски.

— Климов, ты чего завис? — спросил Туман.

Я положил хлеб обратно.

— Слушаю. Только мне сначала знать надо, кого уже проверяли. А то приеду к человеку, которого вчера ваши два часа допрашивали, он меня даже через порог не пустит.

Седой подвинул к себе записную книжку, что-то поискал, перевернул несколько страниц. Писал он мелко, столбиками, как будто бумага стоила дороже всего, что в ней записано. Помню, в первом своём кооперативе я тоже так экономил. Даже использованные конверты изнутри разлиновывал, чтобы телефонные номера записывать.

— Вот этих проверили, — сказал Седой. — Вот сюда дважды ездили. Здесь вообще ничего не получилось, человек уехал. И вот этот мне теперь каждый день звонит, спрашивает, когда его деньги вернут. Ты его знаешь?

Я наклонился над книжкой. Одну фамилию узнал, другую видел у Веры, ещё две ничего мне не говорили. Возле каждой стояла сумма, причём где-то в долларах, где-то в рублях. Поди разбери. Я попросил книжку повернуть. Седой придержал её пальцами.

— Читать умеешь — так читай. Там ещё не всё для тебя.

— Тогда сам рассказывай. Мне по этим каракулям только гадать. Вот этот, второй, с одеждой торговал?

— Торгует. Две точки на рынке, ещё склад снимает. А чего?

— Видик у Рыжего чинил. «Шарп», прокатный. Его до нас какой-то умелец раскурочил, Генка два вечера возился. Потом хозяин ещё скидку требовал, потому что, видите ли, ему обещали за день. А у него внутри вместо предохранителя проволока стояла. Хорошо, что вообще взялись.

— И что нам с того? — спросил Седой. — Мы у него Глухого спрашивали, он ничего не знает. Деньги, говорит, давал, товара не получил. Всё. У меня люди к нему два раза ездили, я сам с ним по телефону разговаривал.

Туман отложил пачку.

— Погоди. Он тебе деньги давал или Глухому?

— Глухому. Вернее, за товар платили через человека, а тот уже с Глухим рассчитывался. Я сейчас выясняю, кто кому передавал, но они все по-разному рассказывают. Один вообще утверждает, что деньги за другую партию были. Я говорю: у меня расписка на джинсы. Он мне: какие джинсы, мы с ним обувь обсуждали. Вот и разбирайся.

— А ты думал, Глухой тебе сейчас всё по порядку распишет? — Туман покачал головой. — Он бы тогда не сбегал.

Седой начал объяснять, как проверяли склады и откуда взялись новые фамилии. Туман слушал, время от времени задавал короткие вопросы, но всё больше обращался к нему, словно

меня уже за столом не было. Выяснилось, что Глухой успел прогнать через одних и тех же людей две разные сделки. Сначала те самые джинсы, на которых хотел быстро подняться, потом обувь, за которую взял деньги вперёд. По документам часть будто бы отгрузили, а получатели теперь заявляли, что ничего не видели. В книжке Седого от этого уже места не оставалось. Я смотрел на исписанные страницы и с удовольствием думал, как он, наверное, матерился, когда всё это обнаружил. Только вслух ничего не сказал. Седой и так сидел на взводе, ещё немного — начнёт на меня Глухого вешать.

— А водитель? — спросил я, когда они закончили.

Седой раздражённо захлопнул книжку.

— Какой ещё водитель? Там их трое было. Одного ищут, второй говорит, вообще машину не давал, третий уехал в область. Ты мне сейчас что предлагаешь? Всю Москву перетряхнуть? Мы этим и занимаемся. Или ты знаешь, где они?

— Пока не знаю. Только если человек товар со склада вывез, он должен помнить, куда приехал. Не обязательно фамилию знать. Иногда достаточно спросить, возле какого магазина разгружались. А с такими вещами лучше не к вашим ребятам идти. Они человека напугают, тот и вспомнить ничего не сможет. У меня Пашка водителей знает, с одним мы уже работали. Я через него попробую.

Туман наконец повернулся ко мне.

— Вот это уже разговор. Только Пашку своего пока оставь. Он, говорят, после последней драки сам еле ходит. А тебе нужен человек, который завтра утром за руль сядет, а не ещё один больной, за которого мне потом платить придётся. Вадим повозит. И вообще, прежде чем по этим торговцам ездить, ты с ними сначала по телефону поговори. Может, выяснится, что половины уже в Москве нет.

— Если начну по телефону про Глухого спрашивать, они как раз и разбегутся. Я к некоторым по ремонту зайти могу, без лишнего шума. Посмотрю, кто чего знает. Заодно старые долги напомню, у нас там кое-кто Рыжему до сих пор должен.

— За свои долги сам разбирайся, — сказал Седой. — И никаких обещаний от моего имени. Не хватало ещё, чтобы ты кому-нибудь сказал, будто мы с него деньги больше спрашивать не будем.

Туман неожиданно спросил:

— А вот скажи мне, Климов, ты Глухого когда последний раз видел?

Я рассказал. После истории в мастерской и стрельбы он больше не появлялся. Потом Седой сообщил, что Глухого нашли и держат под присмотром. На этом всё. Туман расспросил, кто тогда был рядом, сколько человек приехало, на чём. Пришлось вспомнить даже такую ерунду, как цвет машины. Я не был уверен, что правильно запомнил, и так и сказал.

— Не уверен — не придумывай, — оборвал Туман. — Мне тут Седой уже три разных номера принёс, и все вроде бы с одной машины. Один охранник запомнил первые цифры, второй последние, третий вообще говорит, что машина была без номеров.

Седой покраснел.

— Виктор, там не проходной двор был. Человек приехал, представился, сказал, что бумаги со склада привёз. Глухой сам вышел. Никто его за руку не тащил. И он не арестованный, чтобы его под замком держать.

Туман посмотрел на него.

— Вот поэтому я сейчас и сижу здесь, а не дома. Потому что Глухой у тебя не арестованный. Утром был, вечером нет, а деньги и товар вместе с ним исчезли. Мне теперь что, радоваться, что у тебя охранник его не побил?

Седой промолчал. Я тоже решил не вмешиваться. Мне, конечно, было приятно слушать, как ему достаётся, но лучше не показывать. Ещё решит, что я специально при Тумане его выставляю дураком.

На столе зазвонил телефон. Туман взял трубку, выслушал и вдруг заговорил совсем о другом. В кафе не привезли мясо. Поставщик третий день обещал, водитель застрял на базе, теперь ужин готовить не из чего. Туман долго объяснял, что ему совершенно неинтересно, где находится водитель и что тот сломал, зато очень интересно, чем сегодня собираются кормить посетителей. Потом велел купить мясо хоть на соседнем рынке, если больше негде, и положил трубку.

Я невольно посмотрел на часы. Уже было за семь. Таня, наверное, поужинала, Лена должна была позвонить в мастерскую, узнать, вернулся ли я. Хотелось самому набрать номер, но просить телефон у Тумана не собирался. Ещё расспросит, кому звоню.

— Ну чего, Климов, — сказал он, — поездишь завтра. Только ты мне не рассказывай потом, что везде был, а никто ничего не знает. Хоть одну зацепку принеси. И если на Глухого выйдете, сами не лезьте. Позвоните, он разберёмся.

Седой сразу принялся собирать бумаги. Он уже явно считал, что разговор закончен.

Я полез за листками. В кармане зацепилась булавка от перевязи, дёрнул, задел больную руку и выругался. Седой поднял глаза.

— Что у тебя там ещё?

— По Сергею и Пашкиной машине. Ты же сам велел расходы записывать.

Он откинулся в кресле и посмотрел на Тумана.

— Виктор, я ему уже у больницы говорил. Всё посчитаем, сведём, когда с Глухим разберёмся. А он каждый раз с новыми бумажками приходит. Я же не могу сейчас всё бросить и заниматься его фургоном. У меня тут товар на десятки тысяч долларов пропал.

— У тебя на десятки тысяч, — поправил Туман. — У меня больше. Давай бумаги.

Я положил листы перед ним. Расчёт за ремонт Пашкиной машины, отдельно Верины записи по лечению Рыжего. Последние она переписывала дважды, потому что сначала не учла поездку за лекарствами, потом обнаружила, что одну сумму записала в рублях, а другую сразу в долларах. В итоге получилось четыреста восемьдесят пять долларов по её пересчёту. И это только то, что уже потратили. Я сам удивился, когда Вера назвала итог. Но лекарства сейчас доставали через знакомых, иногда с переплатой, за некоторые вообще приходилось отдавать большие деньги, потому что иначе обещали привезти только через неделю. А Рыжему ждать неделю никто не советовал.

Туман просмотрел лист.

— Четыреста восемьдесят пять. Нехило у вас там лечат. Он что, в платной больнице лежит?

— В обычной. Только лекарства за свой счёт. И не всё в аптеке купить можно. На листе написано, где брали, сколько отдали. Вера проверила.

— Вера твоя может хоть тысячу написать. Мне от этого что?

Седой сразу ухватился за его слова:

— Вот именно. Я тоже говорил, что сначала проверить надо. А по машине там вообще половину нового поставить хотят. Фонарь разбили, зеркало, борт помяли. За такие деньги можно половину фургона купить.

— Ты Пашке это объясни, — сказал я. — Он каждый день на нём работает работал, пока ваши люди машину не покалечили. Сейчас у мастера стоит, часть ремонта он уже сам оплатил, остальное занял. Ему завтра опять зарабатывать надо, а не слушать, как вы тут цены обсуждаете.

Седой резко подался вперёд.

— Климов, ты сейчас осторожнее. Мои люди фургон не били. И Глухого я к вам не посылал. Ты мне ещё за каждый его чих счёт выстави. Я уже сделал для вашей мастерской больше, чем должен был. Долг снял, по аппаратам разобрался, людей своих гонял. Глухого нашёл, с него спрашивать начал. А ты сидишь и объясняешь, что я ещё и за Пашку должен платить.

Он говорил долго, не давая мне вставить слово. Перечислил всё, что сделал, вспомнил нашу первую сверку, Глухого, который после неё продолжал требовать деньги, и даже Юрия, которому пришлось возвращать аппараты. Выходило, что Седой чуть ли не спаситель всей мастерской. Ещё бы памятник себе поставил возле входа, чтобы мы каждый день мимо проходили и благодарили, кланялись.

Я дож

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.